

СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ОБСУЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ СТАТУСА ЧЕРНОМОРСКИХ ПРОЛИВОВ НА ЛОЗАННСКОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 1922–1923 гг.

А.В. Борков, А.В. Лошкарёв

Нижегородский государственный университет

В 1922 г. правительства Великобритании, Франции и Италии выступили с инициативой проведения международной конференции по проблемам Ближнего Востока. Решение об этом было принято 20–24 сентября 1922 г. в Париже на совещании премьер-министра и министра иностранных дел Франции Р. Пуанкаре, министра иностранных дел Великобритании Д. Керзона и посла Италии во Франции К. Сфорца. На международной конференции предполагалось урегулировать взаимоотношения с Турцией и обсудить вопрос о Черноморских проливах. После соответствующей подготовки такая конференция открылась 20 ноября 1922 г. в Лозанне. Первоначально Великобритания была представлена на конференции Д. Керзоном, Франция — Р. Пуанкаре, Италия — Б. Муссолини. В конференции участвовали также представители Турции, Греции, Югославии, Болгарии, Румынии и Японии. США не принимали участия в конференции, но прислали своих наблюдателей.

Открытию конференции предшествовала интенсивная политико-дипломатическая борьба между «приглашающими» странами (Англия, Франция, Италия, среди которых первую скрипку играла Англия, выступавшая главным инициатором и организатором конференции), с одной стороны, и Советской Россией с другой. Борьба шла по вопросу участия или неучастия последней в работе конференции и если участия, то на каких правах и условиях. Россия добивалась участия в обсуждении всех вопросов, а также приглашения делегаций Украины и Грузии. Страны Антанты были согласны допустить советских дипломатов только к рассмотрению вопроса о Черноморских проливах и были против присутствия представителей других советских республик. Попытки руководства России оказать давление на западные державы закончились безрезультатно, и в итоге советская сторона все же приняла решение участвовать в работе конференции на условиях, предложенных ее устроителями. РСФСР была вынуждена согласиться с участием своей делегации только в обсуждении вопроса о Проливах и включить в ее состав украинских и грузинских делегатов.

Советское правительство так и не получило от «приглашающих держав» никакого официального уведомления об окончательной дате открытия конференции. Узнав из газет, что конференция начала свою работу, в Москве решили направить советскую делегацию в Лозанну явочным порядком. 1 декабря 1922 г. сюда прибыл Г. Чичерин. Еще раньше на конференцию приехали В. Воровский и Х. Раковский.

4 декабря на первом заседании комиссии по Проливам Г. Чичерин огласил декларацию российско-украинско-грузинской делегации. Напомнив, что основной целью российского и союзных с ним правительств как в вопросе о Ближнем Востоке, так и во всей внешней политике является содействие установлению и упрочению всеобщего мира, и выразив сожаление по поводу недопущения советской стороны ко всей работе конференции, Г. Чичерин остановился на основных принципах советской программы решения вопроса о Проливах. Их суть: безусловное и без каких-либо ограничений обеспечение постоянной свободы торгового судоходства и мирных морских сообщений в Босфоре, Мраморном море и Дарданел-

лах; установление прочных гарантий сохранения мира на Черном море и безопасности его побережья, равно как сохранения мира на Ближнем Востоке и безопасности Константинополя. Это означало, что как в мирное, так и в военное время Дарданеллы и Босфор должны быть всегда закрыты для военных и вооруженных судов, а также военной авиации всех стран кроме Турции. Основываясь на том, что Дарданеллы и Босфор принадлежат Турции, Г. Чичерин далее заявил, что российское и союзные с ним правительства настаивают на восстановлении и сохранении в полном их объеме прав турецкого народа на принадлежащие ему территорию и водные пространства. Указанные правительства настаивали также на том, что Турция сможет успешно защищать Проливы и Мраморное море от нападения лишь в том случае, если за ней будет признано право укреплять и вооружать свои берега, располагать военным флотом и применять для защиты Проливов и Мраморного моря все средства современной военной техники [1].

Однако предложения РСФСР не нашли поддержки у других участников конференции. Особенно советскую делегацию разочаровывала позиция Турции. Дело в том, что 16 марта 1921 г. между Россией и Турцией был подписан договор о дружбе и братстве. Это позволяло надеяться на проведение согласованной внешней политики, в частности в ходе работы Лозаннской конференции. На самом же деле турки в процессе дискуссии, несмотря на некоторые возражения, выступили в основном на стороне англичан, позиция которых была изложена в двух проектах: «Свобода Проливов» и «Демилитаризация зоны Проливов». В первом проекте предусматривалась полная свобода прохождения через Проливы всех военных, торговых судов и пролета авиации как в мирное время, так и во время войны, если Турция в ней будет соблюдать нейтралитет. Правда, при этом делалась оговорка, что военно-морские силы, посылаемые через Проливы одной державой, не должны превышать самого сильного флота одной из прибрежных черноморских держав. Однако эти ограничения не применяются к воюющей державе, если они наносят ущерб ее правам воюющей стороны на Черном море. Во время войны, если Турция будет ее участником, право прохода через Проливы должно быть предоставлено только военным судам нейтральных стран. В случае договоренности между причерноморскими державами о полном разоружении на Черном море черноморские государства оставляют за собой право посылать через Проливы три военных корабля, водоизмещение одного из которых может превышать 10 тыс. т [2]. Во втором проекте предусматривалась демилитаризация европейского и азиатского берегов Босфора и Дарданелл и ряда прилегающих к ним островов [3].

Остальные участники конференции также в целом разделяли мнение английских дипломатов, тогда как советское предложение не встретило поддержки ни с чьей стороны. Поэтому было решено несколько смягчить позицию РСФСР в вопросе о Проливах. 18 декабря 1922 г., на пятом заседании комиссии по Проливам, Г. Чичерин представил на рассмотрение конференции выработанный советской делегацией новый контрпроект правил прохождения судов через Дарданеллы, Мраморное море и Босфор. В нем Россия пошла на целый ряд уступок. Во-первых, приняв во внимание высказывание представителя США на конференции о положительной роли, которую могут играть военные суда для мирных целей, советская сторона отказалась от своего первоначального принципиального несогласия на проход вообще каких-либо военных кораблей через Проливы и предложила, чтобы в отдельных случаях и для определенных, сугубо мирных целей турецкое правительство имело право пропускать легкие военные суда через Босфор и Дарданеллы. При этом, правда, делалась оговорка, что если такое право будет предоставлено турецкому правительству, то советская делегация будет настаивать, чтобы турецкий парламент выносил соответствующее решение в каждом отдельном случае.

Другой важный пункт советского контрпроекта заключался в том, что помимо общего правила для прохода через Проливы он устанавливал, в частности, что доступ в Черное море будет запрещен судам воюющих стран. В этом отношении

советская сторона выступала солидарно с теми представителями мировой общественности, которые выступали после кровопролитной Первой мировой войны за безусловное сокращение, а не расширение районов возможных военных операций. В этом же плане была представлена и советская декларация о созыве конференции причерноморских государств. Наконец, по мнению Г. Чичерина, в советском контрпроекте содержалась еще одна существенная уступка западным странам — предложение создать международную комиссию по Проливам для обеспечения торгового судоходства [4].

Таким образом, в некоторых вопросах советская сторона действительно шла навстречу западным странам, в частности, соглашаясь на тот состав международной комиссии по Проливам, который предложил лорд Керзон 6 декабря, предложив, правда, включить в ее состав и Германию, что вызвало нескрываемое раздражение у представителей Антанты. Но продолжали оставаться и существенные различия в позициях советских республик и их оппонентов. Главным из них было категорическое несогласие советской стороны с предложением западных держав подчинить создаваемую международную комиссию Лиге Наций (в которой, как известно, хозяйничали в то время Англия, Франция, но членами которой не являлись США, Германия, Россия, Украина, Грузия и пока еще Турция) и возложить, в итоге, на Совет Лиги Наций ответственность за гарантию безопасности Проливов. Считая такую гарантию иллюзорной и решительно возражая против придания подобных функций Лиге Наций, советская делегация настаивала на том, чтобы главным гарантом безопасности Проливов выступала сама Турция, которой следовало возглавить будущую комиссию с местопребыванием в Константинополе [5].

Ход дискуссии на конференции о статусе черноморских проливов показывал, что здесь явно преобладала английская точка зрения. Однако обсуждение второй проблемы, касающейся заключения мирного договора с Турцией, шло более медленными темпами из-за разногласий между Англией, Францией и Турцией. 31 января лорд Керзон представил конференции от имени Англии, Франции и Италии новый проект конвенции о Проливах. В нем нашли отражение некоторые уступки со стороны как Антанты, так и Турции. На следующий день, 1 февраля, изобразив необычайное раздражение неуступчивостью турок, Керзон в ультимативном тоне потребовал от турецкой делегации: или она немедленно подпишет выработанный делегациями Антанты проект общего договора, или он, Керзон, покинет Лозанну.

С документом была ознакомлена и советская делегация. Более того, 1 февраля 1923 г. Г. Чичерин дважды выступал на заседании комиссии по Проливам. В первом своем выступлении он предложил ввести ограничения на проход через Проливы и нахождение в Черном море военных судов нечерноморских государств не в зависимости от наиболее крупного военно-морского флота черноморских стран, а взять в качестве показателя одну пятую часть общего тоннажа вооруженных судов, не считая подводных лодок, военных флотов всех прибрежных государств за исключением Турции [6]. Однако советское предложение не вызвало интереса у других делегаций. Тогда глава советской дипломатии выступил второй раз. Здесь Г. Чичерин вновь заявил о том, что предлагаемый проект угрожает безопасности и жизненным интересам России, Украины и Грузии, делает немыслимым установление прочного мирного положения на Ближнем Востоке и в регионе Черного моря и поэтому делегация трех стран «решительно не согласна с проектом приглашающих держав» [7]. Г. Чичерин особо подчеркнул, что «если конвенция будет подписана без России, Украины и Грузии, они останутся совершенно свободными и сохранят за собой полную свободу действий» [8]. Из этого заявления остальными участниками конференции был сделан вывод, что советская делегация не подпишет итоговые документы.

4 февраля 1923 г. Керзон уехал из Лозанны. Вслед за ним конференцию покинули и другие делегации. 7 февраля из Лозанны выехала советская делегация.

Покидая конференцию, она обратилась с просьбой в секретариат конференции: в случае возобновления переговоров все сообщения об этом адресовать в Рим члену делегации советскому представителю В. Воровскому [9].

Тем не менее о начале второго этапа конференции 23 апреля 1923 г., как и в случае с ее началом, советскую делегацию никто не известил. Узнав об этом из газет, советский представитель В. Воровский смог прибыть в Лозанну лишь 27 апреля. На этом этапе конференции Керзон уже не присутствовал. Другие державы Антанты также прислали второстепенных представителей.

Возобновив переговоры с турками, Антанта постаралась на этот раз полностью устранить советских дипломатов от участия в конференции под разными предлогами. Во-первых, представители Антанты утверждали, что вопрос о Проливах больше не будет ставиться на обсуждение, и, во-вторых, Г. Чичерин уже официально заявил об отказе советской стороны подписать конвенцию о Проливах (имелось в виду выступление Чичерина на заседании комиссии по Проливам 1 февраля 1923 г.). В ответ на это В. Воровский обратился с нотой на имя Б. Муссолини, главы одного из приглашающих правительств, с протестом против произвольного отстранения советской делегации от участия в конференции до подписания соглашения о Проливах. Отметив, что работа комиссии по Проливам еще не закончена, В. Воровский также подчеркнул, что советская делегация никогда и нигде не отказывалась подписать конвенцию о Проливах, а Г. Чичерин лишь констатировал, что представленный западными державами проект, выработанный без участия советской делегации, противоречит интересам России и ее союзников [10].

В такой ситуации РСФСР необходимо было определиться со своими дальнейшими действиями. 15 мая 1923 г. Г. Чичерин направляет письмо Генеральному секретарю ЦК РКП(б) И. Сталину, в котором от имени НКВД просит Политбюро ЦК срочно рассмотреть вопрос о продолжении участия или неучастия советской делегации в работе Лозаннской конференции. При этом сам он склонялся ко второму варианту. Однако высшее советское руководство, как показали последующие события, не поддержало предложение НКВД «хлопнуть дверью» и демонстративно уйти из Лозанны. Поэтому советским дипломатам пришлось отвечать на главный вопрос устроителей конференции: будет или не будет советская делегация подписывать один из итоговых документов лозаннского международного форума — Конвенцию о Проливах.

Ее конечный текст был составлен с учетом некоторых пожеланий Турции. Он предусматривал свободу прохода через Проливы в мирное и военное время морских и воздушных судов и демилитаризацию Босфора и Дарданелл, то есть срытие береговых укреплений. Максимальные военные силы, которые любая страна могла провести через Проливы в Черное море, не должны были превышать силы, которые принадлежали самому большому черноморскому флоту. Вместе с тем державы получали право при всех обстоятельствах посылать в Черное море не более трех судов, водоизмещением не более 10 тыс. т. каждое. Для контроля за выполнением конвенции создавалась международная комиссия Проливов со штаб-квартирой в Константинополе во главе с представителем Турции. В комиссию надлежало войти также представителям Франции, Великобритании, Италии, Японии, Болгарии, Греции, Румынии, России и Югославии. В случае присоединения США к Лозаннской конвенции они также получали право иметь своего представителя в комиссии. Деятельность комиссии должна была проходить под наблюдением Лиги Наций [11].

17 июля генеральный секретарь конференции в Лозанне Р. Массигли направил на имя Г. Чичерина телеграмму, в которой предлагал прислать российских представителей, уполномоченных подписать Конвенцию о Проливах, либо в Лозанну к 24 июля, либо в Константинополь к 14 августа [12]. Вопрос об ответе генеральному секретарю конференции стал предметом обсуждения на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 19 июля 1923 г. В итоге было единогласно решено на опреде-

ленных условиях Конвенцию подписать [13]. В тот же день Г.В. Чичерин сообщил о согласии правительства СССР подписать Конвенцию генеральному секретарю Лозаннской конференции, а 14 августа 1923 г. в Риме советский представитель Н.И. Иорданский поставил свою подпись под Конвенцией о режиме Черноморских проливов.

Однако в своем письме Л.Б. Каменеву от 30 июля 1923 г. Г.Е. Зиновьев не согласился с решением Политбюро ЦК РКП(б), заявив о том, что он, а также Л.Д. Троцкий и еще 8 членов ЦК партии, считают его ошибочным [14]. На следующий день он подтвердил свою позицию. В письме к И.В. Сталину Г.Е. Зиновьев настаивал на том, что при обсуждении вопроса о Конвенции необходимо было спросить мнение его и Л.Д. Троцкого, хотя они оба находились в тот момент в отпуске [15].

В итоге И.В. Сталин был вынужден в послании Г.Е. Зиновьеву от 7 августа 1923 г. подробно объяснить, как принималось решение по Проливам. Во-первых, ни один из членов Политбюро не ставил вопрос об опросе отсутствующих. Тем более, что Л.Д. Троцкий перед отъездом на отдых оставил бумагу с просьбой, чтобы ему не присылали даже протоколов заседаний Политбюро [16]. Тем самым он как бы заранее выражал согласие с любыми принятыми решениями. Во-вторых, опрос по телеграфу не всегда возможен из-за обилия документов, прилагаемых при рассмотрении той или иной проблемы [17]. В-третьих, решение принималось в присутствии компетентного специалиста в лице главы НКВД Г.В. Чичерина, который первоначально был настроен против подписания Конвенции, но, в конечном счете, согласился с мнением членов Политбюро [18].

Тем не менее возникшие разногласия в высшем политическом руководстве СССР были, по-видимому, одной из причин того, что подписанная Конвенция о Проливах так и не была ратифицирована ЦИКом. Хотя не исключается существование и других серьезных оснований для изменения принятого ранее решения. Например, некоторые исследователи указывают на принятую в 1923–1924 гг. программу развития и модернизации военно-морских сил СССР, результаты которой уже через несколько лет могли бы противоречить некоторым ограничениям, зафиксированным в Лозаннской конференции [19].

Однако, думается, прямой связи между укреплением советской военно-морской мощи и позицией СССР по вопросу о Проливах нет. Дело в том, что принцип открытия Проливов в этом случае имел бы не только недостатки, но и определенные достоинства. Они касаются возможного выхода советского черноморского флота в Средиземное море, переброски военных судов Балтийского и Тихоокеанского флотов в воды Черного моря. С другой стороны, даже в случае закрытия Босфора и Дарданелл все равно бы Советский Союз стал наращивать свои военно-морские силы, так как он должен был учитывать возможный рост военных флотов других черноморских государств. Вышесказанное позволяет сделать предположение, что усиление советской военно-морской мощи было жизненной необходимостью и произошло бы при любых обстоятельствах.

Таким образом, советской дипломатии не удалось добиться проведения Лозаннской конференции на условиях, предлагаемых Советской Россией. Не удалось представителям Москвы и добиться принятия нужных решений, касающихся статуса Черноморских проливов. Более того, позиция Советского государства в ходе работы конференции не была последовательной, хотя и не исключала возможных компромиссов. Вначале советская делегация выступала против предложений, выдвинутых английской стороной и положенных в основу окончательного текста Конвенции о Проливах. Затем, несмотря на некоторые оговорки, неожиданно его подписала. Далее она отказалась его ратифицировать. Причем до сих пор неизвестно почему, и можно только строить догадки, с чем это могло быть связано. Возможно, сыграл свою роль раскол в высшем партийном руководстве по отношению к Конвенции о Проливах, учитывая позицию Г.Е. Зиновьева. Однако в опубликованных документах отсутствует обоснование мнения Г.Е. Зиновьева.

ева, что не позволяет оценить правильность или неправильность его позиции и ее влияние на дальнейшую дискуссию по данному вопросу в высших эшелонах власти СССР. Поэтому эта проблема остается открытой для последующего изучения и поиска новых источников по обсуждаемой теме.

ЛИТЕРАТУРА

- ¹ Документы внешней политики СССР. Т. 6. М., 1962. С. 36–37 (Далее – ДВП СССР).
- ² ДВП СССР. Т. 6. М., 1962. С. 41.
- ³ Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999. С. 376.
- ⁴ Там же. С. 380.
- ⁵ ДВП СССР. Т. 6. С. 101–102.
- ⁶ Первая декларация, оглашенная председателем советской делегации на VIII заседании комиссии о Проливах 1 февраля 1923 г. // Внешняя политика СССР 1917–1944 гг. Сборник документов. Т. II. (1921–1924 гг.). М., 1944. С. 711.
- ⁷ Вторая декларация, оглашенная председателем советской делегации на VIII заседании комиссии о Проливах 1 февраля 1923 г. // Внешняя политика СССР 1917–1944 гг. Сборник документов. Т. II. (1921–1924 гг.). М., 1944. С. 713.
- ⁸ Там же. С. 714.
- ⁹ ДВП СССР. Т. 6. С. 180.
- ¹⁰ ДВП СССР. Т. 6. С. 256–258.
- ¹¹ Россия и Черноморские проливы... С. 385.
- ¹² ДВП СССР. Т. 6. С. 393.
- ¹³ Письмо И.В. Сталина Г.Е. Зиновьеву от 27 июля 1923 г. Примечания // Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 195.
- ¹⁴ Письмо Г.Е. Зиновьева Л.Б. Каменеву от 30 июля 1923 г. // Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 197.
- ¹⁵ Письмо Г.Е. Зиновьева И.В. Сталину от 31 июля 1923 г. // Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 199–200.
- ¹⁶ Письмо И.В. Сталина Г.Е. Зиновьеву от 7 августа 1923 г. // Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 204.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Россия и Черноморские проливы... С. 388.